

в которой автор дает картину разложения Римской империи и образования новых языков на базе дифференцировавшихся римских провинций, переоценивая в этом процессе, однако, роль германского элемента. Аналогичная тема разработана Гарри Мейером в его книге «Возникновение романских языков и наций»¹⁸, где материал по областям Романии разработан менее равномерно, нежели у Вартбурга, но где в отношении субстрата и роли германского начала в образовании романских языков проявлено больше критики и осторожности.

Ни одна из упомянутых зарубежных работ не отвечает полностью нашим программам ни по материалу, ни методологически. Не отвечает им и книга Бурсье, как это видно из сделанных по поводу ее выше замечаний. И тем не менее она по своим положительным качествам даст нашему читателю в целом, пожалуй, больше других подобных книг. Главные недочеты исследования Бурсье: поверхностное отношение к вопросу о связи языка с историей народа, к спорным проблемам романистики и ограниченное использование диалектальных данных — ее отнюдь не обесценивают.

В книге много фактического материала, тщательно подобранного и хорошо систематизированного, а потому как руководство она доступна и удобна. Формы поздней и вульгарной латыни всегда подкреплены ссылками на литературные памятники или документы, на варварские «Правды», на глоссарии и грамматики. Изложение «Основ» отделяется простотой и отчетливостью. Книга является несомненно хорошим учебным пособием по «внутренней» истории романских языков, пользование которым значительно облегчает обстоятельный предметный указатель. Если главы о румынском и рето-романском языках менее обстоятельны, то это объясняется не столько меньшей ориентированностью в них автора, сколько самим состоянием разработки материала. Указатель научной литературы в конце книги и ссылки на важнейшие работы по более специальным вопросам в ее тексте хорошо ориентируют читателя в библиографии.

В. Ф. Шимарева

Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. 1—2. [Сборники статей.] («Ученые записки Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова», № 156 и 161. Серия филол. наук, выпуски 15 и 18.) — Л., Изд-во ун-та, 1952. 363 и 240 стр.

Двухтомный лингвистический сборник филологического факультета Ленинградского университета — первый коллективный отклик факультета на труды И. В. Сталина по вопросам языкознания — воспринимается читателем как своего рода смотра лингвистической работы факультета за последние годы, ознаменовавшиеся творческой перестройкой всего советского языкознания. Сборник насчитывает свыше 600 стр. текста, в нем приняли участие 29 авторов — работников факультета, представивших статьи почти по всем языкам, являвшимся предметом преподавания на факультете: русскому, другим славянским языкам (польскому, болгарскому), языкам классическим (греческому, латинскому), германским (немецкому, английскому, скандинавским), романским (французскому, испанскому, итальянскому). В соответствии с широким заглавием, охватывающим в принципе все основные вопросы изучения языка («сущность его специфики»), в сборнике представлены статьи по сравнительному языкознанию, по вопросам морфологии и синтаксиса отдельных языков (вып. 1), по лексикологии, истории литературного языка и стилистике (вып. 2).

Сборник несомненно свидетельствует о богатстве и разнообразии творческих возможностей факультета, о высоком уровне специального научного исследования (в большинстве статей не вызывающем сомнения) и прежде всего о плодотворном влиянии марксистского учения о языке, сказавшемся и на новой постановке ряда узко специальных вопросов. Однако в то же время сборник производит впечатление большой пестроты и несобранности; многие специальные темы носят случайный характер; отсутствуют большие стержневые теоретические проблемы, которые могли бы объединить вокруг себя авторский коллектив и разрабатываться одновременно на материале нескольких языков. Работы по общему языкознанию представлены в сборнике только одной — первой — статьей, что особенно удивительно, если принять во внимание чрезвычайную актуальность для нас этих вопросов в настоящее время.

Конечно, нельзя возражать против законной необходимости печатать в ученых записках и трудах факультетов исследования и статьи на специальные темы, главы из защищенных и подготавливаемых к защите диссертаций и т. п., притом в объеме, не

¹⁸ H. Meier, Die Entstehung der romanischen Sprachen und Nationen, Frankfurt a. M., 1941.

ограниченном одним, в лучшем случае — двумя листами, как в данном сборнике. Но такие работы, рассчитанные на более узкий круг представителей данной специальности, следовало бы публиковать в специальных сборниках по кафедрам или группам родственных кафедр, как это делалось прежде и филологическим факультетом Ленинградского университета. К общефакультетскому лингвистическому сборнику под налагающим большую ответственность заглавием «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка» мы вправе подойти с иными требованиями. В подобном сборнике хотелось бы видеть результат организованной совместной работы большого и авторитетного коллектива лингвистов над центральными вопросами советского языкознания. Для сборника такого типа случайный подбор тем, целиком определяющийся индивидуальными интересами и вкусами его участников, отсутствие внутреннего единства и плана — несомненно является существенным недостатком.

Чтобы дать представление о разнообразии тем, затрагиваемых в обоих томах сборника, мы постараемся при рассмотрении помещенных в нем статей сгруппировать их по содержанию вокруг тех общих теоретических вопросов с которыми они соприкасаются.

В статье И. М. Тронского «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании» (т. 1, стр. 5—27), написанной почти одновременно с рядом аналогичных работ, уже появившихся в печати (Б. А. Серебrenникова, Б. В. Горнунга, А. И. Смирникова и др.), рассматривается вопрос о значении этого метода для советского языкознания, о его достижениях и серьезных недостатках.

И. М. Тронский четко ограничивает сравнительно-историческое исследование от простого сравнительного сопоставления родственных или неродственных языков, обычного в общем языкознании и, добавим, особенно необходимого в педагогической практике. Еще существеннее, по его мнению, противопоставление сравнительно-исторического метода в языкознании сравнению сходных явлений надстроечного характера, закономерно возникающих на одинаковом уровне общественного развития независимо друг от друга, поскольку «сходный базис создает для себя сходную надстройку»: перенесение подобных социологических закономерностей на язык, который не является надстройкой, было особенно характерно для порочной «теории стадийности» Н. Я. Марра и его школы (стр. 8—10)¹.

Особого внимания заслуживает правильное указание автора на иллюзорный характер понятия «индоевропейский язык периода его распада», которое до сих пор еще находит защитников и в советском языкознании. «Как ни представлять себе процесс образования и общиндоевропейского языкового единства и его отдельных ветвей, можно сказать с уверенностью, что единого лингвистического состояния „периода распада“ никогда не было, ибо никогда не могло быть такого „момента“, когда племена, носители единой речи, вдруг разделились бы в разные стороны, чтобы затем начать самостоятельное существование по разным ветвям» (стр. 21).

Существенное значение придает автор «зональным» различиям индоевропейской лексики (стр. 13—14) и морфологии (стр. 25—26). Вряд ли, однако, можно признать правильной широко распространенную в современной зарубежной лингвистике теорию, согласно которой «центральные» индоевропейские языки (или диалекты) будто бы являются зоной «новообразований» («новаций»), а «периферические» — зоной, преимущественно сохраняющей «старое» («реликты»). Именно «наблюдения над диалектами живых языков», на которые ссылается И. М. Тронский, не дают основания для подобного обобщения: так, второй перебой распространяется в верхнебаварском языке из самых южных, «периферических» диалектов (лангобардского, алеманнского, баварского), как и новонемецкая дифтонгизация узких полгих впервые засвидетельствована на крайнем юго-востоке территории немецкого языка, в верхнебаварских говорах.

Однако вопрос о значении сравнительно-исторического метода для советского языкознания не исчерпывается, как нам кажется, весьма полезной методической критикой его достижений и недостатков, которой посвящена статья И. М. Тронского, как и другие аналогичные. Подобные критические замечания высказывались уже раньше, например А. Мейе, который вряд ли является в этих вопросах принципиальным «агностиком», как думает автор, скорее — осторожным, иногда чрезмерно скептическим критиком реальных возможностей восстановления «праязыка». Принципиально новым в советском языкознании является марксистское положение, гласящее, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, толкает к изучению языков, что изучение языкового родства могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка и что теория «праязыка» не имеет к этому делу

¹ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы обсуждаемых статей.

ипкакого отношения² При таком принципиально новом понимании задач сравнительно-исторического метода сравнительно-грамматические реконструкции «языка основы» или, говоря по старому, «прародка») не могут быть самоцелью, но должны быть подчинены главной задаче языкознания — изучению внутренних законов развития языков, которые могут быть раскрыты в полной мере лишь на основе сравнительно исторического исследования.

К числу наиболее актуальных проблем, выдвинутых за последние годы советским языкознанием, принадлежит проблема словосочетаний в ее синтаксическом и лексикологическом аспекте. Вопрос этот был поставлен в работах акад. В. В. Виноградова и русской фразеологии ему посвятил специальное синтаксическое исследование З. П. Сухотин. Его разрабатывают советские англисты — А. И. Смирнинский, О. С. Ахлапова и в особенности В. Н. Ярцева неоднократно подчеркивавшая особое значение этой проблемы для исторической грамматики английского языка.

В статье «Пути развития словосочетания (На материале английского языка)» (т. 1, стр. 28—42) В. Н. Ярцева прослеживает на ряде примеров две основные тенденции развития английских глаголов в сочетании с обстоятельными и «предикационными» определениями. С одной стороны, происходит грамматизация словосочетания и превращение глагола «шпирокой семантики», в результате обобщения его значения абстракция, сперва в служебный, потом — в некоторых случаях — в вспомогательный глагол с переходом в конечном счете из области синтаксиса в область аналитической морфологии. С другой стороны, возможна лексикализация этого сочетания в целом, которая превращает его в фразеологическую единицу, сохраняющую, однако, подвижность и изменчивость своих элементов (тип *to catch fire, cold и т. п.*).

Менее ясны представляются нам общие теоретические положения статьи. «Не каждая два слова, даже по смыслу связанные, могут дать словосочетание», утверждает В. Н. Ярцева (стр. 34). Возникает вопрос, какие именно сочетания слов исключаются автором из числа «словосочетаний»? Сомнение вызывает у автора сочетание главных членов предложения — подлежащего и сказуемого «вспомогательного глагола с именными формами глагола, предлога или артикля с существительным». Особо выделяются копулятивные группы типа *мать и сын* и «однородные» («незамкнутые», «открытые») словосочетания, построенные «по принципу параллельного ряда», как то: *A few early fallen oak-leaves strewn the terrace already* «Немногие рано опавшие дубовые листья уже устлали террасу». В подобных случаях мы видим, однако, не параллельный, а соподчиненный ряд, иерархическую градацию определяющей «рано опавшие» определяет «дубовые листья» в целом, «немногие» относится ко всему словосочетанию «рано опавшие дубовые листья» по формуле *{a few [early-fallen (oak-leaves)]}*.

Мы полагаем, что учитывая все еще колеблющееся словоупотребление, следует различать словосочетания в широком и в узком смысле. В широком смысле словосочетанием следует называть всякую группу слов, объединенную в смысловом и грамматическом отношении, если она не образует предложения. Последняя оговорка представляется необходимой, потому что, рассматривая группу подлежащего + сказуемое как «предикативное словосочетание», мы тем самым превращаем предложение в частный случай словосочетания, что вряд ли правильно ввиду особого характера предикативного высказывания. Словосочетания в узком смысле, в большей или меньшей степени «связанные» (по терминологии З. П. Сухотиной), возникают в случаях более тесного грамматического или лексического объединения группы слов, связанной новым значением целого, отличным от суммы значений его частей (два пути этого развития правильно намечены в статье В. Н. Ярцевой).

С этой точки зрения *мать и сын* является словосочетанием вполне обычного типа грамматически объединенным связкой и одинаковым падежом. Предыдущие конструкции несомненно относятся к словосочетаниям, поскольку сам автор считает предлоги словами (стр. 35), а не «служебными частями», как почему-то думает Ю. С. Маслов (т. 1, стр. 167 и сл.) однако эти словосочетания, как и группы с артиклем или со служебным тем более с вспомогательным глаголом, имеют в разной степени тенденцию к грамматизации (в конечном счете — к превращению в аналитическую форму слова). Конечно, мы имеем в виду при этом только тенденцию, которую надо рассматривать в развитии, как всякое явление в языке.

«Словосочетания с зависимым инфинитивом в современном русском литературном языке» — так называется статья А. И. Моисеева (т. 1, стр. 115—138). Инфинитив чаще всего употребляется с глаголами и существительными, значительно реже — с прилагательными, пишет автор. Детальное рассмотрение семантики глаголов и существительных, управляющих инфинитивом, приводит А. И. Моисеева к выводу, что «господство слов над инфинитивом обусловлено не синтаксическо-морфологическими, а лексико-семантическими их особенностями» (стр. 132). Семантические ряды глаголов

² См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат 1953, стр. 33—34.

и существительных, господствующих над инфинитивом, имеют примерно одинаковое значение, чаще всего приближающиеся к модальному (желание, побуждение, волеизъявление, возможность, необходимость и т. п.), значительно реже — видовое, с дальнейшим развитием в сторону аналитических глагольных форм (типа *начал говорить* и т. п.)

Из модального характера семантики подчиняющих инфинитив слов автор делает вывод, что «инфинитив в речи выражает действие не реальное (которое совершалось, совершалось, совершается, будет совершаться, совершится), а лишь возможное, желательное, к совершению которого деятель способен, стремится, побуждает другого деятеля и т. п. В этом отношении инфинитив резко отличается от изъявительного падежного и приближается по модальности своего значения к косвенным наклонениям» (стр. 138).

Было бы правильнее, если бы автор отнес эту характеристику не к инфинитиву самому по себе, а лишь к инфинитивным конструкциям определенного характера, так как «модальное» значение в словосочетаниях типа *желает правиться* или *желание правиться* целиком зависит от значения управляющего слова, а не от самого инфинитива.

Из прилагательных с инфинитивом особенно интересны отмеченные Потебней и Шахматовым сочетания вроде *решив работать, он, спорить голосиста, злая прачка, сердит я ездить-то* (слова извозчика) и т. п. А. И. Моисеев объясняет господство этих прилагательных над инфинитивом их «предикативную» ролью, а не их семантикой» (стр. 135). Если бы это действительно было так, то тавтологическое предикативное прилагательное, независимо от своего значения, могло бы управлять инфинитивом. На самом деле в таких идиоматических сочетаниях народной речи, как *решив работать, голосиста спорить*, прилагательное может управлять инфинитивом только потому, что по своему значению оно приравнивается к выражению обычного «модального» типа вроде *способна работать, умеет спорить* и т. п. Известное сходство с этим употреблением представляют существительные «идея», «мысль», «план», которые могут сочетаться с инфинитивом, как отметил сам автор (стр. 132), в тех случаях, когда они употреблены примерно в значении «намерение» (ср. *идея, план или мысль написать книгу*). Эти примеры поучительны, так как они объясняют пути дальнейшего расширения сочетаемости инфинитива со словами одного семантического ряда.

Вопрос о развитии сложноподчиненного предложения был излюбленной темой синтаксических исследований в период господства «нового учения» о языке и рассматривался как пример так называемой синтаксической «стадиальности», непосредственно отражающей развитие мышления, обусловленного развитием общественных отношений. Ошибки этого рода в работах проф. Л. П. Якубинского, автора настоящей рецензии, и наших учеников были уже отмечены в редакционной «Библиографической справке» журнала «Вопросы языкознания» (1952, № 6, стр. 129 и сл.).

Одним из этих не снимаемых чрезвычайно важных вопросов, поставленных в свое время еще в основополагающей работе Ф. Е. Корша³ и в ряде специальных исследований по историческому синтаксису разных индоевропейских языков о развитии сложноподчиненного предложения из бессоюзного сопоставления или из сочинения предложений, о многозначности древних союзов подчинения, о позднейшем развитии более дифференцированных по своему значению подчинительных союзов, притом союзов, обозначающих более абстрактные логические отношения из более конкретных пространственно-временных, или из широких по своему первоначальному значению местоименных показателей подчинения. Для советского языкознания вопрос этот представляет особый теоретический интерес, как один из ярких примеров совершенствования грамматического строя языка, уточнения грамматических правил.

Этому кругу вопросов на разном языкевом материале посвящены в рецензируемом сборнике специальные статьи Р. А. Будагова «К теории относительного подчинения (Из очерков по историческому синтаксису французского языка)» (т. 1, стр. 43—55), Э. И. Каратаевой «Из истории сложного предложения в русском языке (Место придаточного предложения по отношению к главному)» (т. 1, стр. 56—76), Я. В. Мациевич «Основные особенности сложноподчиненного предложения современного польского литературного языка (сравнительно с русским языком)» (т. 1, стр. 194—218), Л. Л. Иофим «Сложное предложение в английском языке первой половины XVII века» (т. 1, стр. 335—361).

Рассматривая формы относительного подчинения в старофранцузском языке, Р. А. Будагов очень тонко отмечает неполное развитие соподчиненности элементов сложного предложения. В приведенных в его статье примерах типа *Berniers e fieri qui droit a avoir grant* «Бернье его поражает, который право имеет большое» точнее «который право на то имел большое» и т. п. (стр. 44 и сл.), оба элемента сложного целого «Бернье его поражает» и «[Бернье], который (qui) право имеет боль-

³ Ф. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877.

шое» — еще лежат как бы в одной плоскости, «в одном синтаксическом плане»; соединение предложений имеет на этой ранней ступени характер «паратаксиса» (стр. 55). Мы добавили бы со своей стороны: *qui* (лучше «кто», а не «который») еще не имеет в полной мере характера относительного местоимения.

Другим признаком архаического характера относительного подчинения в старофранцузском является многозначность союзов *qui* «кто», *que* «что», которые употребляются для обозначения самых разных видов относительной связи и подчинения. Справедливо отталкиваясь от понятия «диффузности» значения этих союзов, Р. А. Будагов выдвигает теорию, согласно которой эти «сильные» по своему характеру союзы будто бы являются в старофранцузском языке носителями ряда более конкретных лексических значений («потому что», «в той мере как», «вследствие того, что», «по причине», «поэтому», «так что»), которые в дальнейшем, одновременно с грамматическим обобщением значения самих *qui* и *que*, отойдут к специализированным союзам типа *parce que*, *autant que*, *ainsi que* и т. д. (стр. 49 и сл.).

Мы полагаем, однако, что было бы историческим анахронизмом нагружать союзы *qui*, *que*, выступающие в старофранцузском языке с неопределенным значением общего показателя подчинения (как древнерусское *что*, средневерхненемецкое *daz* и т. п.), всей совокупностью значений, которые дает этим словам старофранцузский словарь при переводе на современный французский язык с его строгой дифференциацией различных форм подчинения. Старофранцузские конструкции, разумеется, не были «непонятными» для говорящих, как вполне правильно рассуждает Р. А. Будагов (стр. 45), но они еще не обладали смысловой и формальной дифференцированностью и точностью позднейших конструкций, иначе мы не могли бы говорить об «уточнении» и «улучшении» грамматических правил.

Не вполне точно и утверждение автора, будто старофранцузское *que* является настолько «сильным», что «без всякой дополнительной лексической опоры как бы „вытребовывает“ тот же сложный синтаксический ряд, который в дальнейшем будет требовать специализованных союзов типа *parce que* «потому что». Автор не заметил, что такая уточняющая «опора» уже н а л и ч е с т в у е т и в приведенных им самим текстах, хотя *parce que* еще не грамматизовано как специальный союз. Ср.: *Par ço Pad fait que il voelt veirement* (стр. 50) «Д л я т о г о э т о с д е л а л , ч т о о н х о ч е т н о и с т и н н е . . . » ; *Por c'ai je mis mon chanter en de fois que mon langage ont blasmé li François*... (стр. 54) «П о т о м у я н а л о ж и л з а п е р т н а м о ю п е с н ю , ч т о ф р а н ц у з ы п о р и ц а ю т м о й я з ы к . . . »

Нет также оснований считать, что союз *que* сам по себе, без дополнительной «опоры», может обозначать «без того, чтобы...», «за исключением того, что» и т. п. (стр. 52—53). Как видно из примеров, приведенных в самой статье, такое значение возможно только при наличии в главном предложении отрицания, которое и является дополнительной «опорой», т. е. в сочетаниях типа *ne... que* Ср.: *ne chevaliers ne sergentz ne dame n'i remest que cele qui sa dolor mie ne cele* «Не осталось ни рыцарей, ни слугителей, ни госпожи [за исключением той], кто не скрывает своей скорби».

Таким образом, следует признать правильность точки зрения Ф. Е. Корна, который полагал, что значение этих подчинительных союзов «очень неопределенно»; о том же говорит и акад. В. В. Виноградов, считающий такие русские союзы, как *и*, *а*, *да*, *что*, крайне широкими и логически не расчлененными по своим функциям, сохранившими тем самым некоторые следы «древних синтаксических отношений»⁴.

На такой же точке зрения стоят, повидимому, и другие участники данного сборника, когда они говорят, как Я. В. Мацусович, об «архаической системе многозначных союзов» (стр. 205) или, как Л. Л. Иофим (в отношении английского языка конца XVI в.), о «многозначности союзов» и «нечеткости в использовании средств подчинения» (стр. 336).

В статье Я. В. Мацусович рассматриваются особенности сложноподчиненного предложения в современном польском языке сравнительно с русским. Такое сопоставление синтаксических особенностей близкородственных языков оказывается чрезвычайно поучительным для установления их типических общих особенностей и одновременно специфического национального своеобразия, главным образом там, где автор углубляет историческую перспективу исследования привлечением древнерусских синтаксических форм. Следовало бы, однако, продолжить эту работу в сравнительно-грамматическом направлении с учетом генетически общего славянского наследия и специфического своеобразия развития обоих языков.

В исследовании Э. И. Каратаевой интересно в особенности указание на роль последовательности предложений — главного и подчиненного — наравне с интонацией при неразрывности других средств грамматического выражения подчинительной связи. Временные и условные предложения при бессоюзном подчинении ранее занимали начальное положение, причинно-пояснительные — конечное. Э. И. Каратаева говорит, что, как разъяснил А. А. Потебня, перемещение подчиненной части связано со стремлением к объединению главного и придаточного предложения, стремлением

⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 741.

лишить придаточное предложение остатков самостоятельности и выразительнее представить второстепенность его значения (стр. 60). В результате в истории русского языка наблюдается «растущая свобода размещения придаточного предложения» (стр. 64), хотя и не для всех его видов, свидетельствующая о более прочном объединении сложного предложения как синтаксического целого.

Сходную проблему затрагивает на материале древнескандинавских языков М. И. Стеблин-Ивменский в своей статье «Порядок слов как средство выражения связи между предложениями в скандинавских языках» (т. 1, стр. 282—299). При установившемся уже в древнем периоде истории германских языков нормальном порядке слов (глагольное сказуемое на втором месте) отмечен ряд случаев, в особенности в повествовательном стиле (например, в древнеисландских сагах), когда сказуемое занимает первое место. Случаи эти связаны со смысловым примыканием предложения к предшествующему, чаще всего — при временной последовательности, иногда с объяснительным значением, противопоставлением, своеобразным неформальным подчинением или тоже неформальным переходом к прямой речи. Позднее в таких случаях выявляется как признак связи союз *ok* «и», после которого обычно сохраняется та же «инверсия». М. И. Стеблин-Ивменский видит в этих примерах указание на зависимый характер второго предложения, на бессоюзное подчинение, выраженное порядком слов. «История развития синтаксических связей между предложениями начинается не с союзного сочинения, а раньше: с применения менее четких средств связи — порядка слов, а также, вероятно, интонации. Таким образом, история развития связей между предложениями тесно связана с историей порядка слов» (стр. 299).

Кроме названных уже статей, вопросам синтаксиса посвящены работы В. А. Трофимова «К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке» (т. 1, стр. 77—114), А. А. Бойко «О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание» (т. 1, стр. 139—154), С. И. Грузевой «О связи слов в предложении» (т. 2, стр. 37—51), М. А. Соколовой «Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века» (т. 2, стр. 52—79) и В. Н. Жигалов «Постпозиционное определение и ритм в современном английском языке» (т. 1, стр. 300—312). Следует отметить, что разработка вопросов синтаксиса русского языка значительно опередила в советском языкознании исследование синтаксиса языков западноевропейских, а тем более неевропейских. Советским германистам и романистам необходимо поэтому в своей области более широко использовать методы и достижения наших отечественных ученых в области русского языка.

В статье Ю. С. Маслова «О морфологических средствах современного болгарского языка» (т. 1, стр. 155—193) сделана интересная попытка систематического описания способов образования грамматических форм слова в изучаемом языке. Попутно автор высказывает и теоретические соображения по поводу специфики этих средств — внешней и внутренней флексии, употребления служебных слов, агглютинации, «подвижной флексии» (постпозитивный артикль как элемент нового «синтеза») и др. Автор убедительно доказывает неправильность распространенной точки зрения, согласно которой болгарский язык, в отличие от других славянских языков, безоговорочно зачисляется «в разряд языков аналитического строя» (стр. 157—158). Согласно утверждению Ю. С. Маслова, «современный болгарский язык является флективно-аналитическим языком с некоторыми элементами нового синтеза» и значительным развитием разнообразных морфологических средств, в частности и агглютинации» (стр. 193).

Сомнение, однако, вызывает термин «агглютинация» в применении к частным явлениям языка флективного типа, хотя и поддержанному ссылкой (стр. 192, прим. 1) на авторитетное мнение акад. В. В. Виноградова об аналогичных фактах русской грамматики. Агглютинация представляет сложную систему морфологических средств, и вряд ли есть основание каждый частный случай употребления грамматической частицы (как показатель относительности *-то* в болгарских относительных местоимениях) называть «агглютинацией». Напомним, как предостерегающий пример, отождествление сложных слов индоевропейских (в частности, германских) языков по чисто внешнему сходству с так называемой «инкорпорацией» северных языков, в котором был повинен, в частности, и автор настоящей рецензии. Менее всего могут быть отнесены к явлениям «агглютинации» такие префиксы степеней сравнения болгарского языка, как *по-* или *най-* (*по-хубав* «более красивый», *най-хубав* «самый красивый»; стр. 172), поскольку префиксация в большинстве агглютинирующих языков (тюркских, монгольских, финских) либо вовсе не встречается, либо представляет вторичное, позднее явление.

По той же причине вряд ли правильно также называть «внутренней флексией» те отдельные, случайные для грамматической системы языка фонетические чередования, которые встречаются в болгарском, как и в других славянских языках (стр. 185—186). Нам представляется, что о «внутренней флексии» следует говорить лишь в тех случаях, когда эти чередования широко используются в грамматической системе

языка и имеют в большей или меньшей степени продуктивный характер хотя бы в порядке грамматической аналогии (как в немецком языке в отличие например от английского)

Изучению частных явлений морфологии посвящены статьи С. В. Меликовой и Г. Г. Толстой. Будущее время в греческом языке (т. 1 стр. 219—246) и в В. Ф. Шишмарева «От латинских заоговых форм к французским» (т. 1 стр. 247—250). Е. А. Реферовской. К вопросу о выборе вспомогательного глагола для стожных глагольных форм французского языка (т. 1 стр. 256—264). Н. М. Штейнберг. Так называемое будущее предварительное (*l'futur antérieur*) в современном французском языке (т. 1 стр. 265—281) и И. П. Ивановой «Значение герундия в рчи инованлийском языке» (т. 1 стр. 313—334).

Опущенное посмертно исследование С. В. Меликовой и Г. Г. Толстой о будущем времени в древнегреческом языке представляет большой интерес и для общего сравнительно-грамматического изучения происхождения этих словосочетаний поздней в языках индоевропейской группы грамматической категории. Там же как и исследовать этого вопроса Машин автор видит в форме древнегреческого (имитативного) будущего продолжение индоевропейского деститива (яко бы оно и было наклонением) но в отличие от своего предшественника отрицавшего временное значение этой формы по критическим меркам вплоть до Платона (стр. 220). С. В. Меликова и основываясь на филологическом анализе текстов утверждает что уже в древних индийских греческого языка кроме сохранившегося (в особенности в причастиях) строго модального значения уже наличествует и новое чисто временное. Единственно для обозначения будущего употребляются настоящее время перфект и чоры, а также перифрастические обороты с глаголами желания в дальнейшем вытекающие из них.

Отметим что употребление настоящего в значении будущего (такое явление для индоевропейских языков настоящее будущее сохранилось) имеет значение индоевропейского презенса обозначающего действие высвечивающееся для настоящего — данность действия по удачному выражению и в В. В. Виноградова.

В работе акад. В. Ф. Шишмарева на примере развития французских заоговых форм из латинских ставится общий вопрос об устойчивости грамматического строя языка в процессе его развития и совершенствования. Автор исследует грамматически анализ латинского страдательного залога в связи с системными и рефлексивными значениями и проследивает в самом латинском языке (в том числе тех описательных форм возвратного залога с местоимениями *mi*, *te*, *se* и т. п.) страдательного — с причастием на *t* — которые лежат в основе этих форм в процессе образования французского языка.

Большинство статей второго тома сборника касается вопроса лексикологии, которые впервые получили в языке оведении глубокие теоретические обоснования в учении И. В. Сталина о развитии словарного состава языка на основе словарного фонда с его ядром корневых слов.

Этой центральной проблеме исторической лексикологии посвящены статьи Т. В. Строевой. К вопросу об устойчивости основного словарного фонда в немецком языке (т. 2 стр. 187—199) и С. С. Масловой. Лексика и история словарного состава и основного словарного фонда шведского языка (т. 2 стр. 200—222).

Устойчивость слов основного словарного фонда как показывает И. В. Строева на примере древнегерманского языка неравномерна она зависит от характера тех жизненно важных понятий которые обозначают эти слова. Наиболее устойчивы слова обозначающие явления природы части человеческого тела и основные процессы физической и психической деятельности человека. Значительно быстрее изменяются слова относящиеся к хозяйственной и общественной деятельности человека к материальной и духовной культуре и связанные наиболее непосредственно с историей народа с изменениями социального строя с развитием производства с развитием культуры науки и т. п. Прочно сохраняются качественные слова обозначающие объективные признаки предметов тогда как слова оценочные скрываются чрезвычайно непрочными.

Эта интересная семантическая классификация подтверждается на примерах соответствующих групп древнегерманского словаря. Примеры были бы еще подробнее если бы автор соблюдая историческую перспективу полагал в самом древнегерманском словаре его наиболее устойчивые слова с помощью сравнительно исторического анализа позволяющего выделить общегерманское а то и общиндоевропейское лексическое наследие. Без такой перспективы у автора оказались в одной плоскости со старыми германскими и немецкими словами такие латинские заимствования разного времени, как *Pflanze* «растение», *Tisch* «стол» (*лат. discus*), *Flasche* «бутылка», *Pferd* «лошадь», *Brief* «письмо», *dichten* «сочинять» (первоначально «диктовать») и др., сами представляющие своего рода «неологизмы» древнегерманского. Между тем слово *Pflanze*

(лат. ром *planta*) первоначально означало культурное растение продукт садоводства, особенно монастырского в народных диалектах вместо него до сих пор употребляется *Gras* трава. Слово *Pferd* (позднелат. *paraveredus*) постепенно но не окончательно вытеснило старое германское *Ross* конь. *Pfirsich* персик (лат. *persicum*) вряд ли следует вообще относить к категории слов обозначающих жизненно необходимые понятия.

Роль лексических заимствований в развитии языка может быть совершенно различной в зависимости от конкретных исторических условий. В статье А. М. Иригорьева «Болгарские писатели в борьбе против турцизмов (Из истории сопротивления языка насильственным и ассимиляционным)» (т. 2 стр. 149—172) показан пример успешного сопротивления народа политике ассимиляции вместе с возрождением болгарского народа к самостоятельной политической жизни постепенно оказал влияние на язык турецкого происхождения — нашествие многовекового господства Турции над Болгарией. Вместе с тем в процессе замены турецких слов славянскими автор отмечает плодотворное влияние близкородственного русского языка через посредство которого входили в болгарский язык и многочисленные элементы международного технического и научного терминологии (интернационализмы) (стр. 151).

Новые слова русского происхождения в итальянском языке — так называется статья А. А. Касаткина построенная на материале современной итальянской демократической печати (т. 2 стр. 173—186). Это — слова советской эпохи получившие международное распространение в результате социалистической революции. Можно назвать уже ряд работ посвященных этой актуальной для самых разных языков теме, однако свидетельствующих о том, что новые слова русского языка — или прежние слова с новыми значениями — выражающие понятия ставшие близкими широчайшим народным массам (стр. 111) являются в настоящее время достоянием всего перестового человечества.

Как и во всех исследованиях по этому вопросу труднее всего правильно наметить границы старого и нового. Революция не уничтожила и не имела необходимости уничтожить существующий язык в частности она не отменила такие старые слова как *свобода*, *демократия*, *родина*, *семья* или *банк*, *кооперация*, *профессиональный союз* и т. п. хотя слова эти получили совершенно новое содержание в применении к нашей новой исторической действительности и в свете нового мировоззрения социалистического общества. Соответственно этому и такие итальянские слова различной исторической давности как *autocritica* самокритика (зрителю-свидетельственное как указывает автор уже в 1910 г.) *propaganda* пропаганда или *guerrafondato* сторонники войны до победного конца (исологизм времен ассирийской войны употребляемый в настоящее время участниками борьбы за мир в значении пожиратель войны) если даже они употребляются демократической печатью в новых значениях вряд ли правильно относить к числу новых слов русского происхождения в итальянском языке.

Весьма своевременна постановка проблемы научной терминологии которая имеет большое значение — как практическое так и теоретическое но до сих пор не получила своего места в рамках учения о словарном составе языка. В статье К вопросу об изучении термина (т. 2 стр. 21—36) Р. Г. Писотровски выступая против популярной в зарубежном языкознании теории иероглифичности термина как слова имеющего одностороннее абсолютное значение и указывает на тесную связь научных терминов с общепонятным языком на основе которого они создаются в терминах остается бытовая семантика слова но в потенции она продолжает существовать прозрачная внутренняя форма таких слов как *паровоз* или *пароход* подсказывает словообразовательные типа *тепловоз*, *электровоз*, *теплоход* и т. п. (стр. 27).

Однако утверждение автора односторонней терминологии полностью вытесняется в лексику общепонятного языка (стр. 36) представляется нам односторонним оно относится к примерам слова *паровоз* которые приводятся в статье но вряд ли справедливо по отношению к общепонятному из тех двадцати одной тысячи электротехнических терминов к которым по подсчету автора относятся словарные состав русского языка с 1886 по 1966 г. (стр. 21). Основная часть этих терминов как и технических терминологии вообще состоит из слов интернациональных построенных на основе латинско-греческих корней при помощи особой системы суффиксов также латинско-греческого происхождения хотя и получивших в данном языке специфическую для него фонетическую и грамматическую форму. Эта профессиональная научно-техническая лексика как нам кажется не имеет общепонятного характера и ее изучение представляет специальную проблему большой важности не затронутую в статье Р. Г. Писотровского.

Связь лексикологии со стилистикой и с проблемами художественного стиля отчетливо выступает в исследованиях М. И. Приватовой. Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина (т. 2 стр. 129—148). Личные имена и фамилии представляют интерес для стилистического исследования.

поскольку они являются частью словарного состава языка. Социальные различия в употреблении имен, отчеств и фамилий, существовавшие в прошлом, свидетельствуют, как справедливо напоминает автор, о том, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку»⁵. Сатирик Шедрин создает для своих персонажей экспрессивно окрашенные и знаменательные фамилии и прозвища, в подчеркнутой форме реализующие элемент социальной значимости русских фамилий разного социального типа. Он продолжает при этом литературную традицию обличительной комедии и сатирических журналов XVIII в., Грибоедова и Гоголя, но его язык отличается от языка «всех предшествующих и современных ему писателей как по количеству образований, так и по резкости отрицательной экспрессии, а главное — по их социальной направленности» (стр. 139). Таким образом, элементы языка используются писателем как стилистические средства для выражения его общего идейно-политического замысла.

С вопросом борьбы социальных идеологий, ведущейся языковыми средствами литературного стиля, связана и статья Г. В. Степанова «Об общенародном характере литературного языка» (т. 2, стр. 5—20), посвященная классическому периоду испанского литературного языка. Автор дает принципиальную критику реакционных социологических направлений современного зарубежного языкознания, в которых порочная теория «классовости языка» сочетается с антидемократическим пренебрежением к языку так называемых «низших слоев» (Науман). Одновременно на примере языка «Дон-Кихота» Сервантеса он показывает классический образец «истинного народного языка в том смысле, что он строится на общенародной базе и впитывает в себя все прогрессивные элементы развивающегося национального языка и его устной, письменной и литературной форм» (стр. 14). Сервантесу автор противопоставляет, с одной стороны, испанских мистиков XVII в. (святая Тереса), с их демонологической погоней за грубой простонародностью, с «низведением литературного языка до бытового просторечия», с «игрою в опрошенчество» и архаизацией (стр. 13—14), с другой стороны — аристократический литературный жаргон Гонгора и гонгористов, так называемый «культиеранизм» — вычурный и формалистический, выражающий «узкоклассовые интересы дворянской аристократии» и сознательно направленный на отрыв литературного языка от общенародной основы (стр. 15 и сл.).

Однако литературные отношения XVII в. в Испании и борьба стилей сложнее этой — в своей основе правильной — формулы Г. В. Степанова: ведь и Гонгора писал «романы» в народном стиле, представляющие лучшую и наиболее популярную часть его поэтического наследия. В этом смысле можно объяснить и оправдать замечание К. Фосслера, что дух народности «проникал до самых высот культиеранизма», вызвавшее незаслуженно резкий протест автора статьи (стр. 15).

Вопросам значения слов посвящены лексикологические работы М. Д. Лесник «Об антонимичности прилагательных *большой, малый, маленький* и сфере их употребления в современном русском литературном языке» (т. 2, стр. 80—99) и И. М. Борова «О термине *natura* у Лукреция» (т. 2, стр. 223—238).

Как видно из предшествующего обзора, по необходимости быстрого, богатого и разнообразного содержания обоих томов сборника указывает на большие научные возможности коллектива лингвистов Ленинградского университета. По многим специальным вопросам, разработанным авторами на новом методологическом основании, читатель найдет новые и правильные решения, представляющие в ряде случаев интерес и для смежных специальностей, а в конечном счете и для общего языкознания. Хотелось бы, однако, чтобы творческие усилия высококвалифицированного научного коллектива были сосредоточены на решении центральных задач советского языкознания, требующих большей согласованности в планировании научной работы.

В. М. Жирмунский

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.